

Глава 1

Кампус. Неподалеку от тату-салона.
28.01.18. Вечер.

На часах девять вечера, а я бегу по улице в пижамных штанах, на которых нарисован Багз Банни, жующий пиццу. Перепрыгиваю через многочисленные лужи, стараюсь не намочить белые конверсы; поворачиваю за угол, на ходу застегивая джинсовую куртку, чтобы спрятаться от порывистого весеннего ветра.

Когда твоя сестра звонит в слезах и просит как можно скорее прийти к ней, то времени на выбор наряда совершенно нет. Бросив сериал и теплую комнату в общежитии, я мчусь на помощь, еще не понимая, что именно произошло у Келси.

Миную перекресток, расталкивая компанию студентов, гуляющих в воскресный вечер. Келси сидит на скамейке, темные волосы в беспорядке и растрепаны. Хрупкие плечи содрогаются от частых всхлипов. Утирая слезы, Келси берет бутылку вина, спрятанную в бумажный пакет, и, запрокинув голову, жадно припадает губами к горлышку.

Остановившись рядом с ней, я сгибаюсь от усталости, опираю руки в колени и стараюсь выровнять дыхание после этой пробежки.

— Энди! — Келси радостно всплескивает руками. На ее щеках темные разводы от туши, и они слишком уж контрастируют на фоне счастливой улыбки. — Я думала, что ты уже не придешь.

— Что случилось? — взволнованно спрашиваю я, выпрямляясь и потирая бок, в котором у меня вдруг закололо.

— Погоди, — подняв указательный палец, она прикрывает глаза и, достав из кармана телефон, на ощупь регулирует громкость музыки в наушниках. — Я с самого начала знала, что ты своло-о-о-очь, — пискляво пропевает она.

— Келс, твою мать! — я хватаю пальцами провод от наушников и выдергиваю их. — Какого черта?

Она старше меня всего на три года, но такое ощущение, что сейчас мы поменялись ролями. Хотя такое происходит постоянно. Все считают Келси легкой на подъем, веселой и душой компании, а меня — немного зажатой, тревожной и холодной. Я не то чтобы необщительна, просто мне нужно привыкнуть к человеку, чтобы чувствовать себя с ним комфортно.

— У меня проблема, — Келси предлагает мне вино, но я отказываюсь, мне не терпится узнать, что у нее стряслось. Она делает несколько больших глотков, а затем морщится. — Кислое, зараза.

— Какая проблема, Келс?

— Огромная.

— Оу, — усмехнувшись, я складываю руки на груди, — это многое объясняет. Может, расскажешь?

— Не-а, — прикусив обветренную губу, она мотает головой. — Лучше покажу.

Сделав еще несколько глотков вина, Келси встает и расстегивает кожаную куртку. Ухватив пальцами край белого свитера, она поднимает его, оголяя плоский

Эскиз нашей любви

загорелый живот. Хочу съязвить о бесплатном стриптизе, но мои слова теряются, когда я вижу проблему: сбоку, внизу живота, яркий красный рисунок в виде сердца, а в нем черными витиеватыми буквами написано «Чендлер».

— Какого... — наклонившись, я внимательно рассматриваю рисунок, а затем дотрагиваюсь до него пальцами.

— Ауч! — Келси отпрыгивает, опуская свитер. — Руки холодные!

— Скажи, что это переводная, — прошу я, указывая на ее живот пальцем. — Скажи, что это смывается.

— Нет, Энди, нет.

— Ладно, — сжав пальцами переносицу, делаю глубокий вздох, борясь одновременно с желанием рассмеяться и накричать на Келс. — Как давно ты ее сделала?

— Осенью.

— Осенью?! — почти взвизгиваю я, и сестра вздрагивает от испуга. — И ты говоришь об этом только сейчас?

— Я не могла найти подходящего момента, — пожалв плечами, она тянется за бутылкой.

— Хорошо, допустим, ты не могла найти момента. Но кто такой этот, мать его, Чендлер? Я знаю, что ты фанатка сериала «Друзья», но не настолько же.

— Ты сейчас что, — икнув, спрашивает Келси, — серьезно?

— Макс тебя убьет, если увидит. Кстати, как ты объяснила ему это?

— Энди, ну ты чего? — протянув руку, она щелкает пальцами перед моим лицом. — Макс и есть Чендлер.

Приходится напрячь память, чтобы понять, о чем она говорит. Келси начала встречаться с Максом еще в средней школе. Максанс — его фамилия. А знаете, как бывает, когда человека постоянно называют по фамилии, а потом так удобно сокращают ее, что вскоре вовсе забывают его

имя? Это тот самый случай. Келси и, как оказалось, Чендлер поступили в разные университеты и поддерживали отношения на расстоянии.

После выпуска из универа Келс устроилась работать в нотариальную контору, а Макс поехал в тур по штатам со своей группой, которая, если честно, звучит очень плохо, да и еще бог знает почему называется «Синие викинги». Выступают «викинги» в полупустых ночных барах, но чувствуют себя новыми «Битлз». Келси тяжело справляется с отношениями на расстоянии, но я еще ни разу не видела, чтобы она плакала из-за сложностей с Максом. Либо сейчас на нее действует вино, либо случилось что-то посерьезней, чем ссоры из-за ревности.

— Келс, в чем дело?

Она молчит несколько долгих секунд, а затем опускает голову.

— Этот урод позвонил мне посреди ночи. Он был пьяный, рыдал. Признался, что изменял мне со своими фанатками. И не раз, — глотнув вина, Келс хмыкает, а в покрасневших глазах поблескивают слезы, но она быстро старается улыбнуться, чтобы скрыть их. — А я, дура, верила, что мы созданы друг для друга. И откуда у его группы вообще взялись фанатки?

— Вот же черт, — шепчу я. — Милая, мне так жаль.

— Мы были помолвлены, а он продолжал спать с какими-то девками и врать мне. Ненавижу! — вскрикивает она, топнув ногой. — Мне нужно избавиться от этого рисунка, потому что у меня такое чувство, что его имя прожигает дыру в моем животе. Пожалуйста, Энди, скажи, что все будет хорошо.

— Конечно. Конечно будет, — я протягиваю руки и крепко обнимаю ее. — Мы все исправим, милая.

— Ублюдох, — бормочет она, прижавшись губами к моему плечу. — Кстати, Энди?

Эскиз нашей любви

— Да?

— Ты же в курсе, что стоишь посреди улицы в пижамных штанах?

— А у тебя на животе набито имя «Чендлер».

— Ладно, ты выиграла.

— Когда будем исправлять?

— Прямо здесь и сейчас.

Отстранившись от меня, Келси указывает на неоновую вывеску тату-салона «Скетч». Голубой свет букв отражается в лужах на асфальте, квадратные стекла закрыты жалюзи, и за ними мне представляются полуголые курящие байкеры, бьющие друг другу татуировки на спинах и руках.

— Пойдем, — Келси тянет меня к дверям, — набьем мне новую жизнь.

Тату-салон «Скетч» удивил меня с порога. Я ожидала увидеть мрачный интерьер, но зал просторный и светлый. На одной из стен — белые глянцевые полки, на которых расставлены цветные буквы и небольшие розовые светильники-фламинго. Повсюду яркие картины в стиле поп-арт, вроде панно из портретов Мэрилин Монро в разных цветах и консервных банок «Campbell». Парочка белых статуэток с ангелами, на фарфоровых телах которых маркерами нарисованы татуировки. В центре зала стоит ярко-зеленый диван и два фиолетовых кресла напротив него, а между ними — стеклянный журнальный столик.

Из соседнего зала слышится жужжание машинки, и я невольно представляю, как это больно — когда игла впивается в твою кожу и впрыскивает краску. За стойкой сидит девушка. Она увлечена подпиливанием своих ногтей, поэтому даже не обратила на нас внимания, когда

мы вошли. У нее ровная челка, темные волосы убраны в пучок, а на голове повязана красная бандана. Черные стрелки, кроваво-красная помада, а на нижней губе, сбоку — пирсинг в виде колечка.

— Привет, девчонки, — наконец, заметив нас, улыбается она. — Меня зовут Мэй, чем могу помочь? Тату или пирсинг?

— Нам бы как можно скорее перебить старую татуировку, — говорю я, подталкивая внезапно оробевшую Келси.

Заинтересовавшись, Мэй откладывает пилочку для ногтей.

— Пьяная ошибка? Или на спор?

— Нечто среднее, — отвечает Келси.

— Со всеми бывает, — закусив металлическое колечко, Мэй заглядывает в открытый ноутбук. — К какому мастеру вас записать?

— Неважно, главное, чтобы здесь и сейчас.

— Не получится, — цокнув языком, она качает головой. — Все мастера заняты, да и на ближайшее время все забито. В конце следующей недели вас устроит?

— Но мне нужно сейчас, — Келси морщит нос и потирает живот, будто тату и правда жжется. — Пожалуйста, я очень хочу от нее избавиться.

— Все настолько плохо?

— Еще хуже, — отвечаю я.

— Покажешь? — с интересом просит Мэй.

Келси передает мне полупустую бутылку с вином, распакивает куртку и поднимает край свитера.

— О, черт! — Мэй со смехом прижимает ладонь к губам. — Плохо дело. Ты, к тому же, сейчас выпила — не думаю, что ребята возьмутся, — прикусив губу, она барабанит пальцами по стойке. — Сейчас позову мастеров, посмотрим, что можно сделать.

Эскиз нашей любви

Мэй поворачивается на крутящемся стуле и, откинувшись на спинку, громко выкрикивает:

— Кэм, Зейн!

— Что у тебя там? Я не буду снова играть в морской бой, Мэйс, я работаю.

Из проема круглой арки показывается парень. На нем белая футболка, поверх которой надет черный фартук, и это слегка пугает, пробудив в воображении картины иголок и огромных пятен крови.

А еще я знаю этого мастера, но не то чтобы лично. Это Кэмерон Райт. Мы вместе ходим на социологию. Правда, он появляется на занятиях только по праздникам или заглядывает туда от скуки.

Даже несмотря на то, что Кэмерон не отличается спортивным телосложением, не наделен смазливой улыбкой и милыми ямочками на щеках и даже не разъезжает по городу на мотоцикле с загадочным видом, он все же довольно популярен в кампусе.

Кэмерон воплощает в себе идеальную небрежность. Его загорелые руки украшены множеством маленьких татуировок. Природа будто решила поиздеваться над нежными женскими чувствами и наделила этого парня острыми скулами и яркими голубыми глазами. Взъерошенные каштановые волосы выглядят так, словно Кэмерон забыл расчесаться, но, черт возьми, ему это идет.

Эстетичная внешность поп-рок музыканта и широкая открытая улыбка тут же располагают к Кэмерону. Неудивительно, что Кэм — один из самых популярных парней кампуса. Многие девушки мечтают с ним встречаться, постоянно болтают о нем, и я даже пару раз видела на парте его имя, обведенное в сердечко. Девушки любят таких парней, как Кэмерон. Он — нечто вроде прыжка с обрыва. В таких влюбляются сильно, окончательно и бесповоротно.

— Что такое? — спрашивает он у Мэй, разводя руки в стороны.

— У нас тут стандартная ситуация, — она кивает в сторону Келси. — Срочная перебивка. Поможешь?

Кэмерон поправляет спадающие на лоб волосы кончиками пальцев и переводит взгляд на Келс.

— Ну, и что у нас тут? — с улыбкой интересуется он. — Имя бывшего или грязное словечко?

Вздыхнув, Келси вновь поднимает свитер. Кэм подходит ближе и наклоняется, чтобы рассмотреть рисунок, а затем издает смешок.

— Серьезно? Умоляю, скажи, что это в честь Чендлера Бинга.¹

— В честь бывшего.

— Твою мать, — он выпрямляется и, запрокинув голову, тяжело вздыхает. — Когда уже люди поймут, что нельзя набивать имя своей половины, если не хочешь с ней расстаться?

— Можешь сделать с этим что-то? — спрашиваю я, шагнув вперед.

Кэмерон будто только сейчас замечает меня. Он точно узнал мое лицо и теперь вглядывается в него, пытаюсь вспомнить, где видел меня. Задерживая взгляд сначала на бутылке вина, зажатой в моих пальцах, а затем на дурацких пижамных штанах с Багзом Банни, Кэм начинает улыбаться, а я, заметив это, вдруг вспоминаю о своем виде и скрещиваю ноги, стараясь хоть как-то спрятать глупые рисунки.

— Могу, но не сегодня.

— Ну пожалуйста, — Келси вновь приподнимает свитер. — Посмотри, я не могу ходить с этим.

— Видимо, придется.

— Пожалуйста-пожалуйста? — хлопая ресницами, она растягивает дрожащие губы в натянутой улыбке.

¹ Чендлер Бинг — один из главных героев сериала «Друзья».

Эскиз нашей любви

— Первое, — говорит Кэмерон, указывая на бутылку, — я не работаю с выпившими. Второе — работа будет очень болезненной и займет много времени, потому что этот шедевр тебе бил садист-недоучка и загнал краску под эпидермис. Ну и третье, — он оглядывает Келси с головы до ног, — я очень хочу, чтобы мой друг это увидел. Может, он захочет поработать с тобой.

Он оборачивается и делает глубокий вдох, перед тем как выкрикнуть:

— Зейн!

— Я тут немного занят.

— Поверь, ты не пожалеешь.

Жужжание машинки прерывается, а затем слышатся шаги.

В проеме появляется высокий брюнет с хмурым взглядом. Он опирается плечом о стену. Подтянутый, весь в черном, он привлекателен и напоминает тайного агента. Зейн снимает нитриловые перчатки и, скомкав их, кидает в корзину для мусора рядом со стойкой. В этот момент у Мэй звонит мобильный; она встает и, взяв пачку сигарет, выходит на улицу, бросив парням, что отлучится всего на пару минут.

— Тут девушка хочет перебить тату. Возьмешься?

Зейн удивляется и внимательно смотрит на меня: я держу в руках бутылку вина, которую прижимаю к груди, как плюшевого мишку.

— Не пьяный Багз Банни, а ее подруга.

— Это моя сестра, и я не пьяная.

— Прости, — Кэмерон прикладывает ладонь к груди. — Выпившая сестра Багза Банни хочет перебивку.

— Покажи, — просит Зейн, отходя от стены.

Келси нехотя в очередной раз поднимает свитер.

— Это не Чендлер Бинг, — предупреждает она. — Имя бывшего.

— Черт возьми, — Зейн устало вздыхает и подходит ближе. — Ты у кого набивала? У школьника?

— В тату-салоне рядом с одним баром. За пятнадцать долларов.

Парни усмеваются.

— Дилетанты, — бормочет Кэмерон.

— Татуировка за пятнадцать долларов? Ты же должна была понимать, что, чем дешевле, тем хуже.

Келси переводит взгляд на меня, и я вижу, что она готова расплакаться. Шмыгнув носом, она опускает голову, пряча покрасневшее лицо за волосами.

— Так, — Зейн отмахивается, направившись в рабочий зал, — я пошел. Не хватало мне женских слез, у меня там парень набивает бульдога на ступне, и он тоже вот-вот расплачется. Хватит с меня драмы на сегодня.

— Я тоже пошел работать. Удачи вам, девочки, — Кэмерон салютует рукой и идет вслед за другом, но я преграждаю ему путь.

— Пожалуйста, помоги ей. У нее же имя «Чендлер» на животе! Этот урод разбил ей сердце.

— Кажется, — он вскидывает брови, — я уже дал свой ответ.

— Слушай, она совершила ужасную ошибку. Прощу, помоги ей, это твоя работа, в конце концов. А если нет, то я сегодня же оставляю огромный отзыв на вашем сайте и поставлю одну звезду. И друзей попрошу поставить.

По выражению лица Кэма непонятно, хочет ли он сейчас рассмеяться или схватить меня за шкирку и вышвырнуть отсюда. Он внимательно изучает мое лицо, будто пытается прикинуть, насколько я пьяна. Я не отвожу взгляд, чтобы показать, что трезвая даже несмотря на то, что стою в пижаме посреди тату-салона, в обнимку с бутылкой красного вина.

Эскиз нашей любви

Вместо ответа Кэм подходит к стойке, чтобы взять карамельку из небольшой вазочки.

— Ну, пожалуй, тут я соглашусь. Да, это моя работа, — он закидывает конфету в рот и, кинув фантик на рабочее место Мэй, облакачивается на стойку. — Но твоя сестра пьяна, а наш салон не работает с выпившими людьми, даже если у них набиты такие жуткие партаки¹.

— Хочешь сказать, — поставив бутылку на стойку, указываю на кучу мелких дурацких рисунков, вроде хартограммы и переломанного скейта на его руках, — что все эти татуировки ты набивал трезвым?

— Отличная попытка, мисс «Я-хожу-в-неглиже». Твоя сестра выпила, а это значит, что ее давление поднялось и кровь стала более жидкой. Это приведет к излишнему кровотечению и помешает прорисовывать тени и детали. Над предыдущей тату работал мясник, придется изрядно постараться, чтобы скрыть этот ужас. Сейчас я не буду за это братья, и Зейн тоже.

Кэмерон внимательно смотрит на испуганную Келси, и я замечаю, что он едва сдерживается от желания широко улыбнуться.

— Эй, бывшая Чендлера, ты хочешь залить здесь все кровью? Буквально все будет в ней, как в финале любого фильма Тарантино, чистого места не останется.

Побледневшая Келси трясет головой из стороны в сторону. Меня злит, что Кэм издевается над ней, и, прикусив губу, я едва сдерживаюсь от того, чтобы не выругаться вслух.

— Очень умно накручивать пьяного и без того испуганного человека.

¹ Партак — сленговое название татуировки у уголовников, также известное как «наколка». Как правило, это рисунки, набитые «на коленке» при помощи чернил для ручки. Они не отличаются качеством и сделаны подручными средствами без соблюдения норм гигиены.

— Очень умно подкалывать кого-то, когда ты стоишь в пижамных штанах.

Вдруг на стойке зазвонил телефон, и я вздрогнула. Он сделан на старый лад: с клавишами и спиральным проводом, а полностью прозрачный корпус при каждом звонке подсвечивается разноцветными огоньками.

— Может, возьмешь? — неуверенно спрашиваю я, потому что Кэмерон слишком долго и увлеченно разглядывает мои пижамные штаны, не обращая внимания на звонок.

— Это не моя работа. Что он ест? Это пицца?

Перевожу взгляд на свои штаны.

— Да, — со вздохом отвечаю я.

— Забавно.

— Не могу передать, как счастлива от того, что ты оценил их.

В ответ Кэмерон лишь усмехается. В салон возвращается Мэй и с недоумением смотрит на звонящий телефон.

— Почему не ответишь? — спрашивает она Кэма.

— Потому что я не администратор.

Скорчив недовольную гримасу, она обходит стойку и берет трубку. Кэмерон еще раз осматривает нас и поворачивается к Мэй:

— Запиши бывшую Чендлера на ближайшее свободное время.

— К кому именно записать? — спрашивает она, прикрывая ладонью трубку.

— К тому, кто посимпатичнее.

Кэм берет из вазочки еще одну конфету и протягивает ее мне.

— Ты тоже приходи, набьем что-нибудь взрослое в стиле волшебного мира Диснея.

— Спасибо, — я складываю руки на груди, — обойдусь.

Он держит конфету перед моим носом, а я продолжаю молча смотреть на него с раздражением. Напугал мою

Эскиз нашей любви

сестру, а теперь сладостями угощает. Просто не парень, а ведьма из пряничного домика.

Усмехнувшись, Кэм протягивает ко мне руку. Я хочу отстраниться, но он успевает поймать пальцами медную пуговицу на верхнем кармане моей куртки и, раскрыв его, кладет туда маленькую карамельку. А затем подходит еще ближе, чтобы застегнуть карман. Хочу отпрянуть, но мои ноги будто приросли к полу.

— До встречи, — говорит Кэм, и, похлопав ладонью по стойке, пятится к рабочему залу. — И обещайте быть трезвыми. Обе.

— Непременно.

— Если что, пиво — тоже алкоголь.

— Мы постараемся запомнить, мистер Райт.

Кэмерон замирает, а затем его лицо озаряет та самая широкая и притягательная улыбка. Этим выражением он словно говорит: «Ты одна из моих поклонниц, я знаю».

— Мы вместе ходим на социологию, — быстро бросаю я, чтобы прогнать придуманный им образ его фанатки, — а преподаватель каждый раз аплодирует, когда ты там появляешься.

— Люблю эффектно появляться.

Глава 2

Университет.
29.01.18. Утро.

День не задался с самого утра. Я проспала первую пару, потому что большую часть ночи мы с Келси провели в ее однокомнатной квартирке, разговаривая о Максе, который на самом деле оказался Чендлером.

На социологию я, к счастью, успеваю, прихожу даже на десять минут раньше звонка. Вход в эту аудиторию находится в конце зала, поэтому я прохожу по нескольким ступеням, чтобы проскользнуть на предпоследний ряд амфитеатра и занять свое место.

— Привет, — говорю я, плюхаясь рядом с Джин.

Перекинув копну светлых волос с одного плеча на другое, Вирджиния прищуривается, и ее голубых глаз становится почти не видно за густыми наращенными ресницами.

— Ты пропустила тест, — недовольно бормочет она. — Разве мы не договаривались прогуливать вместе?

— Прости, ночевала у сестры, — я кладу тетрадь на парту и откидываюсь на спинку стула. — Телефон

разрядился, так что будильник не сработал, и я проспала.

Спустя десять минут в нашей огромной аудитории слышится голос мистера Гарднера, и мы с Джин перестаем болтать. Я почти не слушаю преподавателя и, вырисовывая на полях витиеватые узоры, думаю о Келси, предательстве Максанса и о том, как она вообще решилась на такую татуировку.

Двери за моей спиной раскрываются, входят опоздавшие студенты, но я оборачиваюсь лишь тогда, когда мистер Гарднер начинает звонко аплодировать. И я даже знаю, кому именно.

Кэмерон поднимает зажатую в пальцах тетрадь и салютует ею преподавателю.

— Какая честь, — прислонившись бедром к краю стола, мистер Гарднер складывает руки на груди. — Чем обязаны, мистер Райт?

— Я просто соскучился по вам, — отвечает тот, и в аудитории слышатся смешки. — Сосед по комнате разбудил меня, потому что я повторял ваше имя во сне.

— А татуировку с моим лицом случайно не набили?

— Конечно же набил, только не спрашивайте где.

У Вирджинии звонит телефон, и дурацкий рингтон «Крейзи Фрог», который должен был давным-давно вымереть, раздается в кабинете.

Кэмерон смотрит на Джин, а затем замечает и меня. Улыбнувшись, он подмигивает, и я тут же отворачиваюсь. Спустя несколько секунд слышу приближающиеся к нам шаги, а затем — как позади меня отодвигается стул. Кэм сел прямо за мной, и мне почему-то сразу хочется пересечься.

— Ладно, — мистер Гарднер хлопает в ладоши, привлекая внимание студентов. — Напоминаю вам, что я уже

давно не надеюсь на то, что вы выключите телефоны на занятиях, но прошу хотя бы убрать звук. Поскольку сегодня сам господин Удача посетил мою лекцию, думаю, что все пройдет хорошо.

— Всенепременно, — откликается господин Удача за моей спиной.

Мой затылок буквально горит: я чувствую, как Кэм на меня пялится. Из-за этого ощущения мне почему-то сложно сосредоточиться на теме лекции, своих мыслях и даже на дыхании.

— Эй, Багз Банни, — слышу я тихий голос.

Принципиально не отвечаю, потому что не хочу, чтобы он продолжал называть меня так.

— Банни, — повторяет он.

— Мне кажется, — шепчет Джин, наклонившись ко мне, — или тебя зовет Кэмерон?

— Тебе кажется, — бормочу я.

— Сомелье.

Как только я думаю, что попытки Кэма выдумать для меня еще более унижительное прозвище заканчиваются, он продолжает:

— Пьянчужка.

Я не реагирую на призывы, но вздрагиваю, когда он тычет мне в спину. Прикрыв глаза, делаю медленный вдох, пытаюсь успокоиться, и оборачиваюсь.

Опустив локти на парту, Кэм подается вперед, но ничего не говорит. Посмотрев на него пару секунд, киваю, спрашивая, чего он хотел.

— Я тебя звал, — поясняет он.

— Правда? А я не слышала.

— Да ладно, у меня уже заканчивается фантазия. Если бы ты не обернулась, то в ход бы пошла «забулдыга».

— Меня зовут Энди.

— Кажется, я так и сказал, милая.

Я отворачиваюсь от него. Но как только это делаю, в спину вновь тыкают пальцем. Крепко сжав ручку, оборачиваюсь.

— Ну что? — нервно шепчу я.

— Не одолжишь лишнюю ручку? — спрашивает он. — Пожалуйста.

Лезу в сумку, нахожу там ручку, и, не оборачиваясь, протягиваю ее. Кэмерон забирает ее и тыкает мне в спину уже ею.

— Спасибо, — широко улыбаясь, он начинает щелкать кнопкой авторучки, — Банни.

Отлично, ему скучно, и он решил вывести меня из себя.

— Не за что, Коди, — натянув улыбку, отворачиваюсь.

По тому, как участились тычки в спину, понимаю, что провокация удалась: я задела Кэмерона, назвав его другим именем. Продолжаю игнорировать его, надеясь, что он отвлечется на кого-нибудь еще, но вдруг слышу, как стул позади меня отодвигается со скрипом.

Кэм садится на свободное место рядом со мной. Не реагируя, я усердно делаю вид, что полностью сосредоточена на конспекте. Джин следит за происходящим, не скрывая любопытства; я чувствую, как ей не терпится задать уйму вопросов, но взглядом прошу ее не делать этого.

— Ты же знаешь, — шепчет Кэм, склоняясь ко мне, — что меня зовут не Коди.

— А ты теперь знаешь, — отвечаю я, не отрывая взгляда от тетради, — что меня зовут не Банни и не Пьянчужка, и уж точно не Сомелье, — откладываю ручку и наконец поднимаю голову. — Обидно, когда тебя называют чужим именем, не так ли, Ксавьер?

По тому, как Кэмерон поджимает губы, понимаю, что он старается спрятать улыбку. Тут, будто перестав меня замечать, он нагибается через меня к Вирджинии. А мне,

тем временем, приходится вжаться в спинку стула, потому что Кэм нагло нарушает мое личное пространство.

— Она всегда такая злока? Или просто с похмелья?

— Ну, — Джин подпирает щеку рукой, — она становится злой только когда в нее тыкают разными предметами.

У меня тут же вспыхивают щеки и появляется желание биться головой о парту. А еще я хочу убить Джин за эту неоднозначную шутку.

— Ты понял, — поспешно добавляет она, — что я имела в виду.

— О, разумеется, — он протягивает ей руку и представляется, глядя на меня. — Кэмерон.

— Джин.

— Так у тебя даже подруга носит имя, связанное с алкоголем, да?

— Да. А меня называют сумасшедшей матерью-текилой, теперь все?

— Все, — закинув руки за голову, Кэм откидывается на спинку стула. — Теперь мне все с тобой ясно.

Он даже не думает возвращаться на свое место и продолжает сидеть, глядя на мистера Гарднера с видом самого заинтересованного студента. Проходит пара минут, а в моей голове до сих пор крутится фраза: «Мне все с тобой ясно».

Что именно ему ясно?

Эти слова, как зудящий комариный укус, не дают мне покоя. Искося посматриваю на Кэма, но теперь уже он делает вид, что очень увлечен конспектом.

— И что тебе ясно? — шепчу я.

Он не отвечает, хотя услышал меня. Разозлившись, тыкаю его ручкой в предплечье. Когда и это остается без внимания, мне приходится сделать именно то, чего он добивается — позвать по имени:

Эскиз нашей любви

— Кэмерон.

— Что такое? — поправив челку кончиком ручки, удивляется он.

— Что именно тебе со мной ясно?

— А, ты об этом, — усмехнувшись, кивает он. — Ну, твоя подруга Джин сказала, что ты злишься, когда в тебя тыкают разными предметами. Еще вчера я узнал, что ты любишь прикладываться к бутылке, — прикусив кончик ручки, он ненадолго замолкает. — Значит, ты просто фригидная пьяница.

Меня разозлили его слова, но вместо возмущений я лишь усмехаюсь.

— Ладно, что тебе от меня нужно? — спрашиваю я и, кажется, этот вопрос удивляет Кэмерона.

Но я действительно не понимаю, почему он сел сюда, устроил игру с дурацкими прозвищами и шутками.

Я бы не была удивлена тому, что парень проявил симпатию по отношению ко мне, потому что не считаю себя серой мышью или замухрышкой. Я вполне обычная студентка, которая ходит на вечеринки, успевает учиться и подрабатывать официанткой в местной закусочной. Но обычно парни не подкатывают к девушкам со словами: «Ты фригидная пьяница». Или это я что-то не понимаю в современных ухаживаниях?

— На твоём месте я бы не был так самонадеян, — говорит он, будто отвечая на мои мысли. — Просто хотел одолжить ручку, а затем ты нарочно назвала меня другим именем, и меня это взбесило. Но, к слову, — он пожимает плечами, — мне нравятся фригидные пьяницы.

— Ты ведь знаешь, что я не пила вчера.

Кэмерон смотрит на меня, улыбаясь, а затем склоняется к моему уху. Теплое дыхание щекочет кожу, и по шее ползут мурашки, когда он шепчет:

— Спасибо за ручку, Энди.

Наверное, даже Джонни Депп, так сексуально рекламирующий парфюм, не смог бы поблагодарить меня за одолженную ручку таким же привлекательным полупешепотом. Кэмерон отстраняется и вновь увлекается темой занятия, а мне с того момента сосредоточиться стало гораздо сложнее.

Все оставшееся время Кэм не произносит ни слова, если не считать пары колких комментариев, предназначенных для мистера Гарднера. Когда звенит звонок, парень потягивается, а затем не спеша поднимается с места.

— Еще увидимся, Банни, — подмигнув, он протягивает мне одолженную ручку.

Джин молча провожает Кэмерона взглядом до тех пор, пока он не скрывается за дверями аудитории, а затем в восторге обращается ко мне и толкает меня в плечо.

— Мне нужны подробности.

— Ничего интересного, — бормочу я, вытаскивая из волос карандаш, который служит заколкой.

— А что он там говорил о том, что вчера ты прикладывалась к бутылке? Где ты пересеклась с Кэмом?

— Мы с Келси вчера заходили в «Скетч», — отвечаю я. Закинув сумку на плечо, иду вдоль светлого коридора, не оборачиваясь, потому что знаю, что Джин идет следом за мной и внимательно слушает. — Она хотела перебить старое тату, но была пьяна, поэтому они не взялись.

— Ты так покраснела, когда он подсел к тебе.

— Замолчи, не было такого.

Я толкаю стеклянную дверь, которая ведет на улицу, и яркий свет солнца заставляет меня щуриться.

— Мне туда, — указываю на библиотеку.

— А мне в большой корпус. Пока, Банни, — приторным голосом щебечет она, прижав ладонь к груди.

Эскиз нашей любви

Не скрывая раздражения, корчу в ответ недовольную гримасу и отмахиваюсь. Срезаю путь через парковку и бреду вдоль машин. Не проходит и пары минут после нашего расставания, как Джин уже звонит мне.

— Ты ведь хочешь? — с первого слова спрашивает она.

— Чего? — спрашиваю я и останавливаюсь, пока ищу в сумке библиотечную карточку, на которой уже висит долг за несколько взятых книг.

— Чтобы Кэм поработал с тобой своей тату-машинкой.

— Заткнись.

— Ну признайся, ведь хочешь.

— Да, сплю и вижу. Приду в салон и выкрикну: «Давай же, Кэм, забей меня с головы до ног! Я очень хочу, — войдя в роль, прикладываю ладонь к груди и поднимаю взгляд к небу, — твою татуировку». А потом лягу на кресло и скажу: «У меня такого еще никогда не было. Ты у меня первый... татуировщик».

— И добавишь томным голосом: «Забей мне такую, чтобы я неделю сидеть не могла».

Я смеюсь, пока не слышу позади низкий голос:

— Это будет очень дорогая татуировка.

Моя спина мгновенно холодеет, ладони потеют, и мне уже хочется провалиться сквозь землю, сгорая от стыда.

Крепко зажмурившись, делаю глубокий вздох и оборачиваюсь. Кэмерон стоит в двух метрах от меня. Бормочу в трубку, что перезвоню и прячу телефон в карман. Что я могу теперь ему сказать? Или лучше просто собрать вещи и уехать за два штата отсюда?

— Ты что, — произношу я наконец, — следишь за мной?

Лучшая защита — это нападение, решила я.

Кэмерон не перестает улыбаться, а мне хочется понять, почему при разговоре со мной на его лице постоянно появляется это выражение удивления и желание рассмеяться.

— То же самое хотел спросить у тебя.

— Очень умно переводить стрелки.

Кэм молчит. Не отрывая взгляда от моих глаз, он медленно достает из кармана джинсовой куртки ключи с брелоком и, вытянув руку, нажимает на кнопку. Прямо за моей спиной раздается короткий писк сигнализации, а затем и щелчок разблокированных дверей автомобиля. Отныне это звук моего позора в квадрате.

— В данный момент это ты стоишь у моей машины и мечтаешь, чтобы я набил тебе тату.

— Это была всего лишь шутка.

— Я так и понял.

— Просто хочу прояснить, мне не нужны никакие татуировки.

Кэмерон делает несколько шагов и останавливается совсем близко. Легкий ветерок касается его растрепанных каштановых волос. Мыски наших кед упираются друг в друга, и я едва борюсь с желанием униженно извиниться и сбежать.

— Я понял тебя с первого раза, Энди. Иногда нужно уметь вовремя остановиться.

Кэм наклоняется еще ближе, так, что между нашими лицами остается не больше десяти сантиметров. Я мысленно отмечаю, что этот парень уже не в первый раз нарушает мое личное пространство, а я почему-то и шагу в сторону не могу ступить.

— Позволишь? — тихо спрашивает он.

До меня не сразу доходит, что он просит меня отойти от его машины.

Опомнившись и покраснев, тут же отхожу в сторону.

— Эй, Банни!

Я торопливо оборачиваюсь, но тут же злюсь на себя за то, что откликнулась. Кэмерон стоит, облокотившись на открытую дверцу автомобиля.

Эскиз нашей любви

— Тебе стоит только попросить, и я с удовольствием стану твоим первым, — он делает многозначительную паузу, — татуировщиком.

— Если и захочу, чтобы кто-то набил мне тату, то я точно обращусь к другому мастеру, Клайд.

Кэмерон только смеется, а я быстро ухожу, даже не оборачиваясь.

Глава 3

Закусочная «Дядюшки Сандерса».

2.02.18. День.

Я, как обычно, ничего не успеваю. Наспех надеваю фартук, хватаю блокнот и принимаюсь разносить накопившиеся заказы, лавируя между красными диванчиками.

— Милая, будь так добра, — зовет меня мистер Бейли.

Сидя за барной стойкой, он пододвигает ко мне белую кружку, и в его огромных пальцах она кажется до комичного крошечной, словно великан решил поиграть с кукольной посудой.

— Конечно, — улыбнувшись, хватаю стеклянный кофейник и в очередной раз наполняю кружку ароматным кофе. — Что, — перехожу на шепот, — сегодня даже не добавите волшебного зелья?

Старик смеется. Мистер Бейли — постоянный гость «Дядюшки Сандерса»; здесь не подают алкоголь, но он всегда приносит с собой маленькую фляжку с виски и подливает его в свой кофе.

— Не сегодня. Это особенный день. Я жду кое-кого.

Эскиз нашей любви

— Свидание? — с улыбкой спрашиваю я. — Я начинаю ревновать, Джек.

— На это и рассчитывал.

Рассмеявшись, отталкиваюсь от стойки, а затем слышу звон от удара лопаткой по сковороде: Марк приготовил очередной заказ. Посетителей сегодня так много, что мы со второй официанткой Холли едва успеваем подойти ко всем. Из каморки выходит босс и ворчит по поводу нашей медлительности, снова обещая заставить нас надевать ролики, чтобы разносить заказы быстрее.

Мистер Бейли видит меня за стойкой и просит еще одну кружку для его гостя. Улыбнувшись, выполняю просьбу и мысленно отмечаю, что он сидит с довольно молодой для него женщиной, на вид лет тридцати пяти. Они улыбаются друг другу, а затем старик накрывает ее ладонь своей.

— Энди, это моя дочь Лорен. Лорен, это Энди, и она иногда присматривает за мной.

— Очень приятно познакомиться, — Лорен протягивает мне руку. — Надеюсь, мой папа не докучает вам рассказами о своей юности?

— Я всегда с удовольствием их слушаю, — улыбнувшись,жимаю протянутую ладонь. — Только ради этих историй я и прихожу на работу.

— Только ради этих историй, — шепчет она, — я и переехала из родительского дома.

— Ты слишком рано повзрослела, — с грустью произносит мистер Бейли. — И слишком рано вышла замуж за этого неотесанного болвана.

— Папа, — Лорен обнимает его за плечи, — ты стал таким сентиментальным. И я до сих пор люблю этого неотесанного болвана.

Вежливо улыбнувшись, молча оставляю отца и дочь наедине, стараясь не поддаваться унынию: я бы многое

отдала, чтобы сидеть вот так со своим папой и беззаботно шутить на будничные темы. Но, к сожалению, мой отец выбрал другой путь: он оставил маму, когда мы с Келси были еще совсем маленькими.

Келси старше меня, поэтому кое-что помнит. У нее остались воспоминания о папе, и я очень завидую ей, потому что все, что есть у меня — одна-единственная фотография, на которой папа держит меня на руках, а на его коленях сидит Келси, перепачканная черничным джемом.

Сколько бы мы с Келс ни пытались разговорить маму, получали один ответ: «Мы просто не были нужны ему». Они с мамой даже не были в официальном браке. Жили счастливой семьей, но в один день папа просто заявил, что устал и не готов нести такую ответственность.

Келси называет отца трусом, и обычно я не спорю и просто киваю, но мысленно готова найти ему тысячи глупых оправданий. Я воображала, что он был спецгентом, и правительство дало ему особое задание, опасное для семьи. Или что это реалити-шоу, и в любой момент из-за угла возникнут операторы с камерами, а папа появится из-за какой-нибудь ширмы и скажет, что это был эксперимент вроде фильма «Шоу Трумана», и что он все время был рядом. Мы обнимемся, а все зрители у экранов заплачут.

Знаю, глупо. Но мне необходимо верить в эти глупости.

С самого детства я завидовала детям из полноценных семей. В школе девочки часто пользовались фразой: «Я папина дочка. Я папина любимица». Вроде бы простая фраза, а сколько в ней скрыто. Мне никогда не узнать, каково это — быть папиной дочкой. Я никогда не боялась сказать, что иду на свидание, потому что у меня не было строгого папы, который не доверяет парням и пытается защитить меня.

Эскиз нашей любви

Моим друзьям это казалось крутым. «Тебе повезло, что ты живешь с мамой и сестрой. У мамы легче отпроситься на свидание, ведь отец ни за что не отпустит, потому что видит в парнях лишь угрозу». Эту фразу любила повторять моя подруга Глорис. Черт побери, Глори, твои родители пришли на вручение дипломов, и ты провела этот день с семьей, а моя мама не попала на мой выпускной, потому что ее не отпустили со второй работы.

Тату-салон.
7.02.18. День.

— Мне страшно, — Келси моргает, глядя на вывеску «Скетч», и ее зубы стучат, будто в подтверждение слов. — Черт, мне действительно очень страшно.

— Все будет хорошо, — подбадриваю ее я, взяв за руку. — Всего пара часов — и на твоём теле не останется напоминаний о Чендлере.

На самом деле мне самой жутко не хочется заходить внутрь, но это только потому, что там меня ждет встреча с Кэмероном. После того неловкого разговора на парковке прошло чуть больше недели, и я с тех пор ни разу его не видела. Не могу отделаться от чувства стыда при одном воспоминании о том дне. Может, в любом другом случае мне было бы все равно, но опозориться перед самым популярным парнем всегда хуже.

Мы заходим внутрь и садимся на диван, Мэй заваривает травяной чай и болтает о погоде, а Келси старается не показывать, что вот-вот отключится от страха.

Когда Кэмерон появляется в зале, я теряюсь и стараюсь сделать вид, что сильно увлечена дизайном светильников.

— Ну как, бывшая Чендлера, все еще хочешь перебивку? — спрашивает Кэм, присаживаясь в кресло напротив. — Или вы помирились?

— Нет, перебей ее скорее, пожалуйста.

— Отлично, — подавшись вперед, он упирается локтями в колени и сцепляет пальцы в замок, — у тебя есть какие-то идеи?

— Даже не знаю. Главное, чтобы было красиво.

— Надо же, — усмехнувшись, он кивает, — очень точное описание. Хочешь что-нибудь девчачье, верно?

— Да, никаких черепов и воронов.

— Что-нибудь девчачье и без черепов, понял. Что скажешь по поводу роз? Красным и бордовым сможем перекрыть сердце.

— Знаешь, а мне нравится.

Кивнув, Кэмерон берет со стола альбом с карандашом и откидывается на спинку фиолетового стеганого кресла. Он закидывает одну ногу на другую, кладет на колено альбом и принимается рисовать.

Келси сидит, выпрямив спину так, будто проглотила стальной стержень, а я нервно постукиваю пяткой по полу. Кэм замечает это, и я тут же перестаю, чтобы не выдать себя. Но беспокойство не проходит, и я беру со столика кружку с чаем, чтобы хоть чем-то занять руки.

— Кстати, Банни, — говорит он, продолжая рисовать. — Как там поживает мистер Гарднер? Скучает по мне?

— Не так, как ты по нему, Коллин.

Я буду продолжать называть его разными именами, пока он не перестанет называть меня «Банни».

— А ты?

— Скучаю ли я по тебе?

Я смотрю на Кэма поверх кружки, но он слишком увлечен эскизом, чтобы заметить мое недоумение.

Эскиз нашей любви

— Нет, я о другом. Ты все так же хочешь, чтобы я стал твоим первым, — сосредоточенно глядя в альбом, он облизывает губы, — татуировщиком?

— Я хочу, чтобы ты стал тем, кого я вижу как можно реже.

— Врушка.

Отставив чай, складываю руки на груди и откидываюсь на спинку дивана. Я знаю, что ответила грубо, но что еще делать, если этот парень так упрям и продолжает свои издевки. Мне же и так неловко, неужели непонятно?

— Это будет очень больно? — интересуется Келс, ерзая в кресле. — Кстати, ты же дашь мне обезболивающее?

— Нет.

Этот короткий ответ мгновенно заставляет Келси побледнеть.

Закончив, Кэмерон кладет альбом на стол, разворачивает его к нам.

— Это всего лишь набросок, я добавлю остальные детали вручную.

Эскиз выполнен простым карандашом, на листе изображены два пышных розовых бутона; один из них чуть перекрывает другой, а каждый лепесток так четко прорисован, словно он настоящий. Как за пару минут можно нарисовать такое?

— Бутоны перекроют сердце. Здесь, — Кэм водит карандашом над рисунком, — нарисуем пару листков, и тогда имени точно не будет видно. Все сделаем в ярких красках: штрихи, тени, блики. От «Чендлера» и следа не останется. Посмотри, и если устраивает, можем начинать.

Я даже удивлена тем, как резко Кэмерон сменил игривый тон на серьезный, полностью погрузившись в работу.

— Мне нравится, — говорит Келс, с улыбкой глядя на эскиз. — Очень нравится.

— А тебе? — спрашивает меня Кэм, вертя карандаш в руках.

— Как по мне, — опираясь на подлокотник и придирчиво осматривая эскиз, протягиваю я, — довольно неплохо.

Ладно, это идеально, но он этого не услышит. А то вдруг вздумает снова предложить свою первую помощь. Но он только усмехается.

Мы переходим в рабочий кабинет, где Зейн уже набивает кому-то татуировку на спине.

Пока Кэм обрабатывает кожу Келси и переводит на нее рисунок, я изучаю интерьер. Зал в темно-синих тонах, а в глаза сразу же бросается несколько массивных черных кресел, обтянутых пленкой. Отдаленно напоминает пыточную. На одной из стен расположились черно-белые фотографии татуировок, а другая увешана зеркалами различных форм; атмосферно, но мрачновато в отличие от первого зала с яркими диванами.

Кэмерон готовит машинку и надевает на провода одноразовые защитные рукава. Облизнув пересохшие губы, Келси тяжело дышит и широко распахнутыми глазами внимательно следит за каждым его движением. Как только она видит, как Кэм распаковывает иглы, то вдруг пугается, сжимает кулаки и всем своим видом показывает раскаяние. Кэм на секунду включает машинку, и, услышав жужжащий звук, Келси со стоном опускает майку.

— Знаете, я передумала.

— Уже сдаешься? Да брось, мы же даже не начали.

— Можешь просто быстро зачеркнуть имя Чендлера и все?

— Прости, милая, — Кэмерон снимает черные нитриловые перчатки и выключает круглую лампу дневного све-

та, — но я таким не занимаюсь. Либо перебиваем, либо ищи другого мастера. С моего кресла с такими партаками не встают.

— Келс, — зову я, — ты не можешь ходить с Чендлером на животе.

— Я согласен, — отзывается Зейн с другого конца зала. — Твоя тату выглядит как ошибка пьяного купидона.

— Энди, — она смотрит на меня, прерывисто дыша, — что мне делать?

— Как думаешь, — подавшись вперед, я сжимаю ее ладонь, — разве пара уколов с краской сравнятся с той болью, что причинил тебе Макс?

Келси немного раздумывает, а потом в ее глазах появляются уверенность и злость на Максанса.

— Набей мне самые цветные и болезненные розы в мире, — цедит она сквозь сжатые зубы. — Может, эта татуировка выбьет из меня всю оставшуюся дурь.

Кэмерон нажимает ногой на рычаг, и кресло плавно опускается, а Келс, готовясь терпеть боль и страх, крепко зажмуривается. Кэм тяжело вздыхает, предчувствуя, что сеанс будет трудным. Склонившись над Келси, он хмурит брови.

— Слушай, твоя сестра сказала, что этот парень предал тебя. Ты уверена, что хочешь стереть любую память о нем, пусть и такую кошмарную?

— Конечно, хочу.

— Тогда расслабься. Сейчас я сделаю контур, а потом начнем закрашивать, договорились?

— Догово... Погоди, а цветную делать больше, да?

— Да, — уверенно отвечает Кэмерон, и я злюсь на него за то, что он не успокоил Келси. — Я буду набивать новую татуировку поверх старой, а для этого придется задеть рубцовую ткань. Поэтому не стану врать тебе, милая: да, будет больно.

— А я слышала, — опустившись на стул, скрещиваю руки на груди, — что это не большее комариного укуса...

Кэмерон склоняет голову набок, всматриваясь в мое лицо. Я рада, что между нами находится кресло, потому что создается впечатление, что, если бы не оно, Кэм подошел бы вплотную, в очередной раз нарушая мое личное пространство.

— Все зависит от степени болевого порога, — он опускает взгляд. — Ты как предыдущую набивала?

— Пьяно, — шепчет Келс. — Очень пьяно.

Вздыхнув, она разжимает напряженные пальцы и поднимает край майки.

Когда Кэмерон набирает краску из маленького колпачка, происходящее кажется мне интересным, но когда он склоняется над животом Келси, а затем раздается приглушенное жужжание, мне самой становится страшно за нее.

Она терпит и, прикусив губу, героически молчит.

— Ну как, — спрашивает Кэм, вытирая лишнюю краску салфеткой, — жива?

Она кивает, но гримаса мучения на лице говорит об обратном.

— Я все хотел спросить, почему «Чендлер» в сердечке? Не достаточно было просто дурацкого имени?

— Сначала я хотела написать: «Келси + Чендлер = навсегда», причем на интимном месте, но меня переубедили.

Кэмерон прекращает бить и выпрямляется. То же самое делает и Зейн в другом конце зала. Парни обмениваются недоумевающими взглядами, а затем смеются.

— Вы, — спрашиваю я у Зейна, поворачиваясь на стуле, — часто перебиваете такие татуировки?

— Постоянно, — отвечается он, возвращаясь к работе. — Популярнее имен бывших только рисунки членов.

Эскиз нашей любви

— Серьезно? Кто добровольно набивает себе такое?

— На полном серьезе, идиотов хватает, — отвечает Кэм. — Однажды к нам пришел парень, у которого на заднице было написано: «Я имел маму Брэдли», а Брэдли — это его лучший друг. Келси, ты там как, жива?

— Жива. А как там мой живот? Много крови?

Кэм цокает языком.

— Ни капельки.

— Ты врешь. Энди, он врет, лучше посмотри сама.

Подаюсь ближе, чтобы проверить, но все действительно в порядке: плавные темные линии и очертания лепестков там, где Кэмерон уже успел прорисовать контур.

— Да нет там ничего, не паникуй.

На какое-то время мы замолкаем, увлеченные процессом создания тату. Кэмерон изредка поглядывает на меня, слегка улыбаясь, и при каждом его взгляде в моей голове вновь возникает та неловкая ситуация на парковке. Кажется, Кэм на каком-то подсознательном уровне заставляет меня испытывать эту неловкость снова и снова при каждой встрече взглядом.

— Не смотри на меня так, — ерзаю я на стуле и хватаюсь пальцами за мягкое сиденье.

— Как «так»? — жужжание затихает. Легким движением головы он смахивает челку со лба. — Как будто хочу сделать тебе татуировку?

— С насмешкой, — отвечаю я, опуская взгляд на почти законченный контур, — будто застал меня за чем-то неприличным.

— В чем твоя проблема? — спрашивает он, возвращаясь к работе.

— У меня нет проблем.

Если честно, меня уколол этот вопрос, но виду показывать я не хочу.

— Если я смотрю на тебя как-то по-особенному, то, может, только потому, что ты мне интересна. Я же говорил о своей слабости к фригидным пьяницам.

— Я не говорила, что ты смотришь по-особенному. Я сказала, что ты смотришь с насмешкой.

— Или ты видишь только то, что хочешь видеть. В чем причина? Низкая самооценка, или парень сердце разбил?

— Не угадал.

Мной овладевает раздражение: да кто он такой и почему пытается копаться в моих проблемах? Он — просто татуировщик, а не психолог.

— То есть с самооценкой у тебя все в порядке?

— Разумеется.

Вдруг Келси издает писк от резкой боли. Я подсакиваю в испуге, но она тут же затихает, подняв большой палец вверх.

— У тебя все в порядке с самооценкой, но при этом тебе легче думать, что симпатичный парень смотрит на тебя с усмешкой, нежели из интереса?

— Зато у тебя с самооценкой все в порядке, симпатичный парень, — отвечаю я, не скрывая сарказма в голосе.

— Можешь даже не пытаться, — вмешивается Келси, — Энди не нужны отношения. Тут даже твоя милая улыбка не поможет.

— Звучит как вызов. Думаю, что как раз моя улыбка и поможет, ведь вы видите солнце по утрам, только потому, что я улыбаюсь.

— Это тебе мама сказала? — приподняв голову, спрашивает Келс.

— Конечно, ведь она с детства называет меня солнышком.

Серьезность этого диалога смешит меня, но я быстро маскирую это, потирая переносицу.

Эскиз нашей любви

— Так, — не унимается Кэм, — почему тебе не нужны отношения? Все девушки, вроде как, помешаны на этом.

— Потому что не нужны. Может, закроем эту тему?

— Так ты по девочкам?

— Нет. И я не мужененавистница. Я просто не доверяю парням, вот и все.

— Если разбитое сердце и самооценка здесь ни при чем, откуда это недоверие к парням? Обида на отца, а вследствие — и на весь мужской род?

Эта догадка настолько точна, что даже Келси от неожиданности раскрывает рот. Глубоко вдохнув, я отталкиваюсь ногой от пола и отъезжаю на стуле назад. Жужжание машинки снова затихает, и взгляд Кэмерона вдруг становится серьезным.

— Вот черт, прости, — быстро говорит он, — я полный мудака.

— Ничего, все в порядке.

— Кретин, — бормочет Келси, — за это с тебя скидка.

Кэмерон толкает свою жертву в бедро и корчит недовольную гримасу. Он поднимает взгляд, и впервые я вижу в нем искреннее сожаление.

— Знаете, — натянув улыбку, я хлопаю ладонями по коленям и поднимаюсь со стула. — Я, наверное, выйду на пару минут, подышу свежим воздухом. Здесь немного душно.

Иду к выходу и слышу, как за моей спиной отодвигается кресло, а затем раздается тихий голос Келси:

— Не надо, дай ей пару минут.

Выхожу на улицу и, укутавшись в куртку, сажусь на скамейку, стараясь не думать о плохом. Я злюсь на Кэмерона, но еще больше удивлена тому, что он оказался прав. Я и сама не задумывалась о том, что уход папы из семьи так повлиял на мое мировоззрение и оценку семьи в целом.

Как только парни проявляют ко мне симпатию, я начинаю задаваться вопросом «А что дальше?». Влюбленность, отношения, брак, а потом он уйдет, бросив меня и детей, а я впаду в депрессию? Или же стану одной из тех женщин, которые преследуют своего бывшего, а в конце концов убивают его и попадают на нелепые телешоу. Не вижу смысла в отношениях, не вижу будущего.

Я не закоренелая ханжа, я влюблялась в старшей школе, и у меня были отношения. Мне казалось, что я люблю Тайлера всем сердцем, но когда на выпускной он снял номер в гостинице и дело уже шло к логическому завершению, я просто не смогла. Вместо первого секса его ждали мои испуг и слезы. Тайлер порвал со мной, но он не был плохим, он просто не мог больше ждать.

Я хочу доучиться, получить хорошее образование и чего-то добиться в этой жизни, потому что тогда, если я вдруг повторю судьбу нашей мамы, то хотя бы смогу содержать своего ребенка, не работая на трех работах сразу и лишаясь возможности проводить больше времени с малышом. Мыслию я мрачно для своего возраста, но совсем не отклоняюсь от реальности.

Со мной явно что-то не так и, может, мне все же нужен психолог. Но тут я вспоминаю, что в данный момент моя сестра перебивает имя парня, который предал ее после клятвы в вечной любви, и что я нужна ей там.

Когда я возвращаюсь в «Скетч», Кэмерон уже работает цветными красками, а Келси рассказывает ему длинную историю своей любви и предательства ее парня. К моему удивлению, Кэм заинтересованно слушает, задает вопросы и даже удачно подшучивает на эту тему. Из радиоприемника доносится попсовая песня, и это придает атмосфере легкости. Я снова сажусь на место, и мы делаем вид, что ничего не произошло.

Эскиз нашей любви

На самом деле три часа в «Скетче» пролетели быстро, и когда Кэм объявляет о том, что работа завершена, Келси с видом раненого, но гордого солдата поднимается с кресла. Встав позади нее, Кэмерон опускает ладони на ее плечи и подводит к одному из многочисленных зеркал.

— Как тебе?

— Невероятно, — отвечает она, глядя на свой живот и крутясь перед зеркалом. — Глазам своим не верю. Спасибо, это очень красиво!

Две яркие розы и несколько зеленых листиков действительно без следа перекрыли ужасного «Чендлера». Лепестки, тени и блики — все кажется настолько настоящим, что в моей голове просто не укладывается, что это сделано на коже при помощи крошечных иголок и краски.

— Энди, ты только посмотри!

— Потрясающе, — кивнув, я подхожу ближе и рассматриваю детали.

— Ладно, позовите меня, как налюбуетесь, надо будет смазать ее и прикрыть пленкой.

Ловлю на себе взгляд Кэмерона. Запустив пальцы в свои растрепанные волосы, он неловко пожимает плечами.

— Слушай, Энди, я...

— Не стоит, — отмахиваюсь я, потому что знаю, что он хочет извиниться, — все нормально, правда.

Поджав губы, он кивает, но в воздухе по-прежнему словно висит тяжелая неловкость. Поэтому, чтобы разрядить обстановку, я решаю сменить тему.

— Вышла отличная наколка.

Кэмерон молчит некоторое время, а затем морщит нос, как будто я сделала не комплимент, а оскорбила его работу.

— Больше никогда не произноси в этих стенах слово «наколка¹». Прибереги этот сленг для того дня, когда окажешься за решеткой, Банни.

Стоило мне сказать, что все нормально, как Кэмерон тут же забыл мое имя и снова стал называть дурацким прозвищем. Мне не нравится этот парень.

¹ Наколка — сленговое выражение носит несколько негативный оттенок и зачастую обозначает изображения с чисто уголовным подтекстом. Наколки наносятся кустарным методом в антисанитарных условиях.

Глава 4

Вечеринка.

Дом студенческого сестринства «Тета Ви».

9.02.18. Вечер.

Какой студент не любит вечеринок? Верно, таких очень мало, и я в этот процент точно не вхожу. Вечер пятницы всегда приносит радость. Тусовки на каждом углу, начиная от домов всевозможных сообществ и заканчивая обычными пабами в центре города.

Наш с Джин выбор, как обычно, падает на вечеринку в доме студенческого сестринства «Тета Ви». Мы точно знаем, что там будет хороший алкоголь, не то что некоторые другие общины, которые на тусовках разливают пиво со вкусом половой тряпки.

Джин пишет, что уже пришла, поэтому я смело захожу в дом, проталкиваясь сквозь толпу. Музыка бьет по барабанным перепонкам, басы отдаются в груди, в воздухе пахнет алкоголем и дурью. Вдруг кто-то подходит ко мне сзади и закрывает глаза своими ладонями. Я улыбаюсь, потому что тут же узнаю эти тонкие пальцы, украшенные кучей колечек. Это Джин.

— Ты опоздала! — она наклоняется ближе ко мне, перекрикивая музыку, и я чувствую, что она успела достаточно выпить. — Я тут уже немного начала.

— Вижу, — рассмеявшись, смотрю, как она двигает бедрами, не попадая в такт песни.

— Ты случайно не видела Гарри?

— Нет.

«Потому что, скорее всего, он сейчас сует свой язык в чей-то рот», — проносится мысль в моей голове, но я решаю удержаться от резких высказываний и задаю безобидный вопрос:

— Может, придет попозже?

— Может быть; я звоню ему весь вечер, но он не берет трубку.

— Джин, постарайся сегодня не вестись на его уловки, хорошо? Я не хочу, чтобы ты снова уехала к нему.

Гарри Торнтон — пижон и бабник. Он сорит деньгами, носит только брендовые вещи и следит за тем, чтобы его волосы всегда были аккуратно уложены. Мы дружим с первого курса, и я еще ни разу не видела, чтобы одежда Гарри была испачкана или помята, зато видела, как на вечеринке в прошлом году он напился и ничего не соображал. И одним своим присутствием Гарри лишает Джин гордости. Стоит ему только сказать, что он соскучился, как Джини тут же несется к нему. В последний раз это закончилось тем, что Гарри в очередной раз воспользовался ею, а потом выставил за дверь. Он говорит, что никогда и никто кроме него не будет спать в его постели, даже после секса. Может, посмотрелся девчачьих фильмов о парнях-придурках, а может, действительно является таковым.

Должна признать, что Гарри не такой уж и плохой парень, но влюбиться в него означает сделать его своим врагом. Морально он способен уничтожить любую, что и про-

изошло с Джин. Однажды она оговорилась и сказала, что Гарри «выпил ее душу»; думаю, он действительно выпил ее до дна, не оставив ни капли.

— Пойдем танцевать. — Джини тащит меня в сторону, но я уворачиваюсь.

— Я слишком трезвая, — пытаюсь перекричать музыку, а затем жестами показываю, что хочу выпить.

Джин кивает и уносится танцевать одна. Ей нравится двигаться под музыку, но танцевать ей совершенно не удастся: вертится, как сурикат, выискивая в толпе Гарри. Я встречаю знакомых ребят и задерживаюсь с ними, болтая о ерунде и попивая пиво. Два стакана — и музыка уже не кажется такой уж громкой, а люди вокруг кажутся милее обычного.

— Энди!

Оборачиваюсь на голос Нейта; он с легкостью проходит сквозь толпу, расталкивая людей плечами.

— Не видела Джин? — спрашивает он, оглядываясь по сторонам.

Началось. Каждая вечеринка идет по одному и тому же сценарию: Нейт ищет Вирджинию, она — Гарри, а тот — удовольствие на одну ночь. При этом все ищут друг друга через меня, словно я — заслуженный детектив в отставке. Конец у таких вечеринок всегда один: мне неловко, Джин страдает, Нейт тоже, и одному только Гарри хорошо.

— Была где-то здесь минут двадцать назад.

Потирая нос с горбинкой, Нейт открывает рот, будто хочет что-то спросить, но тут же решает промолчать и делает быстрый глоток из стакана, чтобы скрыть замешательство. Когда мы с Нейтом познакомились, я бы ни за что не догадалась, сколько у него комплексов. Он хорош собой, широкоплеч и подтянут, в школе был капитаном футбольной команды и королем выпускного бала. И он очень добрый и во всем видит позитивные стороны.

Но, как оказалось, при всех его плюсах, он очень неуверен в себе. А безответная влюбленность добивает его еще больше.

— Только не признавайся ей ни в чем пьяным, — прошу я, смотря на то, как Нейт нервно сжимает пальцами стакан. — А особенно — когда пьяна она.

— Не понимаю о чем ты.

— Ладно, сделаю вид, что...

Я не успеваю договорить, потому что Нейта вдруг задевает танцующая рядом девушка, и содержимое его стакана выплескивается на мой светло-голубой пуловер. Ладно, не на мой, он принадлежит Келси, а она ненавидит, когда я беру ее вещи без спроса.

Апельсиновый сок с мякотью и водка. Пуловеру конец, как и мне. Ткань быстро пропитывается соком и неприятно липнет к телу, да к тому же сразу разносится резкий запах водки.

— Вот черт, Эндс, прости! — Нейт принимается неуклюже размазывать и без того большое пятно по моим животу и груди.

— Перестань, — шлепаю я его по ладоням и отдаю ему свой стакан. — Почему, когда я в вещах Келси, ты каждый раз умудряешься испачкать их?

— Может, — отвечает он игриво, — я создан для того, чтобы сделать тебя грязной?

— Мы уже проходили это, помнишь? — прищурившись, выставляю указательный палец. — Ты не создан для пошлых шуток, Нейт. В твоем случае это незаконно и отвратительно. И прекрати тренироваться на мне.

— Может, попробовать другие слова? — с надеждой спрашивает он, когда я уйду, протискиваясь через толпу. — Липкая или, может быть, сочная?

Рассмеявшись, жестом показываю, что это провал, и иду наверх, чтобы попытаться спасти пуловер. Первая ванная комната оказывается занята страстной влюблен-

ной парой. Извинившись, следую в конец коридора и наконец нахожу свободную уборную.

Замок оказался сломан, поэтому я не решаюсь раздеться здесь. Оторвав немного туалетной бумаги, подхожу к раковине и включаю воду. Тщательные попытки стереть пятно смоченной бумагой совсем не помогли. Может, Келси не заметит пропажу? Хотя вряд ли, у нее каждая вещь на счету.

Вдруг в сумке звонит телефон, и я в испуге бросаюсь к нему, думая, что это Келс как-то узнала, что я испортила ее вещь. Но это оказывается всего лишь моя соседка по комнате.

— Привет, Роуз, — удерживая телефон плечом, я не оставляю попыток спасти кофту. — Что-нибудь случилось?

— Ты случайно не брала мою ключ-карту? Нигде не могу ее найти.

— погоди, сейчас посмотрю, — копаюсь в сумочке, но нахожу только свою. — У меня ее нет, — будто в доказательство своих слов вытаскиваю кусок некогда белого, а теперь посеревшего пластика.

Вдруг чувствую, как телефон начинает выскользывать из рук, и я пытаюсь поймать его мокрыми пальцами. В спешке и испуге за телефон, забываю про карту и отбрасываю ее в сторону. Ловлю телефон уже почти над полом и с облегчением выдыхаю, когда понимаю, что все хорошо закончилось.

Спустя несколько мгновений я вспоминаю о карте. Оборачиваюсь, оглядываю пол, но ее нигде не видно. Заглядываю в раковину, потом в свою сумочку, а затем и в ванну.

— Что за черт? — недоумеваю я, осматривая все вокруг.

И тут мой взгляд падает на унитаз. Понимая, что я не искала только там, нехотя заглядываю внутрь и издаю недовольный стон.

— Серьезно?! — возмущаюсь я. — Да такому даже в школе ниндзя не обучают!

За утерю карточки положен штраф в тридцать пять долларов, который мне совсем не хочется платить — сегодня я узнала цену своей гордости. Тяжело вздохнув, закатываю рукав и присаживаюсь на корточки. Я с трудом заставляю себя протянуть ладонь и, поморщив нос, медленно опускаю руку внутрь, без остановки повторяя: «О боже!» Как только пальцы касаются воды, к горлу подкатывает тошнота, и я закрываю ладонью нос и рот. В этот момент открывается дверь, и на пороге замирает Кэмерон Райт. Ну почему из всех людей на вечеринке зашел именно он?

Видя меня, Кэм бормочет извинения и растерянно закрывает дверь. На несколько секунд создается впечатление, что это был мираж. Но тут дверь снова открывается — в этот раз медленно — и мой мираж снова заглядывает внутрь. Он с удивлением молча смотрит на меня. Это даже хуже, чем тот разговор на парковке.

— Я думал, что мне показалось, — начинает он, закрывая за собой дверь, — Затем подумал, что мне точно показалось, и вдруг тебя просто тошнит.

— Замолчи.

Кэмерон присаживается на край ванны и смотрит на меня, не сдерживая улыбки.

— Позволь спросить, что ты делаешь?

Только теперь я понимаю, что моя рука все еще опущена в унитаз. Единственное, что я могу сейчас сделать — это принять непринужденный вид, притворяясь, что меня совсем не тошнит. Боже, не хватало только, чтобы меня вывернуло перед Кэмом!

— Да вот, — пожимаю плечами, — ищу новые впечатления.

Эскиз нашей любви

— И как, — он подается вперед, упирая локти в колени, — нашла что-нибудь новое?

— Возможно, — отвернувшись, я судорожно пытаюсь поймать пальцами карту.

— Слушай, Банни, чем бы это ни было, я все равно должен спросить, нужна ли тебе помощь?

— Спасибо, Кени, но я справлюсь сама.

Наконец мне удается схватить карточку. Я вынимаю ее и бегу к раковине. Бросив ее туда, несколько раз спешно нажимаю на дозатор с жидким мылом и начинаю тщательно отмывать руки, а затем и саму карту. Кэмерон останавливается рядом и, облокотившись ладонями на столешницу, молча рассматривает меня через зеркало. От его пристального взгляда руки вдруг перестают слушаться меня, а движения становятся неловкими.

— Апельсиновый сок, — поясняю я, когда замечаю, как он задерживает взгляд на огромном пятне.

— Я бы сказал, — он чуть наклоняется, принохиваясь, — что сок работал в паре с водкой.

— Друг пролил.

— Что за друг?

— Мой парень.

Не знаю, зачем я вру, но мне показалось, что это спасет меня от новых вопросов. А может, я вру, чтобы показать, что у меня все хорошо в личной жизни и нет никакой обиды на отца. Только почему мне вообще не все равно, что подумает обо мне Кэмерон?

— У тебя есть парень? — он поворачивается ко мне, и от удивления в его голосе я еще больше верю в свою маленькую ложь.

— А что в этом удивительного?

— Ты же говорила, что не видишь смысла в отношениях.

